

Славяноведение, 2023, № 3, с. 44–54

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 3, pp. 44–54

DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Оригинальная статья / Original Article

Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации

© 2023 г. В.С. Ефимова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

valeriefimova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологического калькирования в старославянском языке. Фразеологические кальки именных словосочетаний, которые создавались славянскими книжниками в процессе переводов (главным образом, с византийского греческого), рассматриваются как часть старославянского лексического инвентаря в аспекте их дальнейшей фразеологизации. Автор исходит из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и несколькихсловных наименований, представляющих собой лексические единицы-обозначения. Большое количество несколькихсловных наименований – фразеологических калек оказалось в старославянском лексиконе в связи с необходимостью передачи связанных с христианством понятий, однако встречаются и фразеологические кальки, относящиеся к слою обыденной лексики. Часть фразеологических калек могла «укорениться» в лексиконе и становиться фразеологизмами. Основным и определяющим свойством фразеологизмов автор считает возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка (в случае со старославянским языком, главным образом, книжником). Фразеологизация фразеологических калек происходила постепенно не только в церковнославянских изводах, но уже и в эпоху становления собственно старославянского языка во второй половине IX в. – X в. Автор показывает примеры варьирования фразеологических калек в эту эпоху. Дальнейшее употребление фразеологической кальки без поддержки греческой конструкции свидетельствует о ее фразеологизации.

Ключевые слова: старославянский язык, лексический фонд языка, несколькихсловные наименования, фразеологические кальки, фразеологизмы.

Ссылка для цитирования: Ефимова В.С. Старославянские фразеологические кальки в аспекте их дальнейшей фразеологизации // Славяноведение. 2023. № 3. С. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Old Church Slavonic Phraseological Calques in the Aspect of their Further Phraseologization

© 2023. Valeriya S. Efimova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

valeriefimova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of phraseological calquing in the Old Church Slavonic language. Phraseological calques of nominal phrases, which were formed by Slavic bookmen in the process of translations (mainly from Byzantine Greek), are considered part of the Old Church Slavonic lexical inventory in the aspect of their further phraseologization. The author proceeds from the idea of the lexical fund of the language as consisting not only of words but also of multi-word names, which are lexical units-designations. A large number of multi-word names-phraseological calques joined the Old Church Slavonic lexicon due to the need to transfer concepts related to Christianity, although there are also phraseological calques related to the stratum of ordinary vocabulary. Part of the phraseological calques could “take root” in the lexicon and become phraseological units. The author considers the possibility of extracting phrases entirely from memory by a native speaker (in the case of the Old Church Slavonic language, mainly by a bookman) as the main and defining property of phraseological units. Phraseologisation of phraseological calques occurred not only over time in the Church Slavonic receptions, but already in the period of the formation of the Old Church Slavonic language proper in the second half of the 9th –10th centuries. The author demonstrates examples of variation of phraseological calques in this period. The further use of phraseological calque without the support of the Greek construction testifies to its phraseologization.

Keywords: Old Church Slavonic, lexical fund of the language, multi-word names, phraseological calques, phraseological units.

Reference for citation: Efimova Valeriya S. Old Church Slavonic Phraseological Calques in the Aspect of their Further Phraseologization // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2023. No. 3. P. 44–54. DOI: 10.31857/S0869544X0025871-1

Хотя фразеологическое калькирование, наряду с калькированием поморфемным и семантическим, являлось одним из существенных источников пополнения старославянского лексического инвентаря, до сих пор это явление остается совершенно неизученным. В свое время Нандор Молнар в монографии 1985 г., пользующейся и в наши дни авторитетом у палеославистов, определил старославянские фразеологические кальки как словосочетания и фразы (word groups and phrases), возникающие путем калькирования словосочетаний и фраз языка-источника¹. Разумеется, против такой «предельно обобщающей» дефиниции возражений быть не может, однако дальше этой дефиниции в палеославистике дело не пошло, и конкретных исследований старославянских фразеологических калек до сих пор фактически нет.

Поскольку в данной статье фразеологические кальки будут интересовать нас в аспекте их дальнейшей фразеологизации как часть складывавшегося в процессе переводов (главным образом, с византийского греческого) старославянского лексического инвентаря, в поле нашего зрения сейчас попадает фразеологическое калькирование только именных словосочетаний. Напомним, что традиционно в отечественном языкознании во фразеологический уровень языковой системы включаются как фразеологизмы-словосочетания, так и фразеологизмы-предложения, и эта традиция сохраняется в самых последних исследованиях (см., например, [14; 2]). Однако уже в 60-х годах прошлого века В.Л. Архангельский, исследовавший проблемы фразеологии на материале русского языка, определил различие между этими двумя видами

¹ «For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*» [25. P. 66].

фразеологизмов: «К объектам русской фразеологии относятся не только образования, эквивалентные по значению слову, а по форме – свободным словосочетаниям и сочетаниям слов, но и единицы, эквивалентные свободным предложениям и предикативным сочетаниям слов... ФЕ (фразеологические единицы. – В.Е.), эквивалентные свободным словосочетаниям, будем называть фраземами; ФЕ, эквивалентные свободным предложениям, – устойчивыми фразами» [1. С. 57]. Это разграничение представляется весьма важным, так как хотя фразеологизмы-словосочетания и следует изучать в рамках фразеологического уровня языковой системы, но в то же время они являются и частью блока старославянских несколькословных наименований, достаточно широко используемых в старославянских текстах.

Мы исходим из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и словосочетаний, представляющих собой несколькословные наименования. Такая трактовка понятия лексического фонда восходит к идеям Ш. Балли, который уже в труде 1909 г. «*Traité de stylistique française*» предложил вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию [22. Р. 66–87]². В отечественном языкознании признание несколькословных наименований лексическими единицами в противопоставлении их в качестве единиц-обозначений, требующих фиксации в словарях, единицам-описаниям (аналитическим дескрипциям) впервые, кажется, было отчетливо сформулировано Е.С. Кубряковой [11]. Проблемы определения статуса встречающихся в древних славянских текстах несколькословных наименований как самостоятельных (либо несамостоятельных) лексических единиц обсуждались в ряде работ последних лет В.С. Ефимовой и В. Желязковой [9; 6. С. 66–70; 7. С. 55–57]. Если резюмировать кратко выводы из этих работ, то из них следует, что, учитывая особенность старославянского лексического инвентаря, создававшегося узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов и буквально в процессе этих переводов, для идентификации старославянских несколькословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий: исходить из основного свойства наименований – функции номинации лингвистических концептов. Т.е. несколькословное наименование-обозначение в качестве лексической единицы должно номинировать один единственный лингвистический концепт³.

В моей недавней статье отмечается, что хотя многие старославянские несколькословные наименования могут быть «заподозрены» в образовании путем фразеологического калькирования, одна лишь как будто очевидная похожесть греческих и старославянских словосочетаний не свидетельствует еще о прямом калькировании. В этом процессе структуры греческих несколькословных номинаций должны были взаимодействовать (и в действительности взаимодействовали) с существовавшими в славянской народной речи того времени моделями [8]. Тем не менее в ряде случаев можно уверенно говорить о прямом калькировании греческих несколькословных номинаций. Ожидаемо, что довольно большое количество несколькословных

² Например, о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’ Ш. Балли писал: «Psychologiquement, c’est un mot, une unité lexicologique» [22. Р. 69].

³ О понятии лингвистического концепта применительно к старославянскому материалу см. в [9. С. 35–39]. При анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно было бы называть «стоящими за словами понятиями» [3. С. 43–62].

наименований-фразеологических калек оказалось в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью»:

ἡ καινὴ διαθήκη⁴ – новѣин завѣтъ (τῆς καινῆς διαθήκης – новаго завѣта Мт 26:28 Зоґр, Мар, Ас, Сав; Мк 14:24 Зоґр, Мар; новаго завѣта Бог 265а7 и др.);
τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον – огнь неогаснѣин Бог 118b1–2;
αἱ ἐπιουράνιοι στρατιαί – небесьинн пѣзковѣ Шест 31а20;
ἡ νοερά φύσις – разоумьно ѣстьство Изб 1073 17а13–14;
ἡ ἀνθρωπίνη φύσις – чловѣче ѣстьство (члѣче ѣстьство Изб 1073 16d29–17а1);
ζωδιακὸς κύκλος – жнвотъинн кроґгъ (ζωδιακὸν κύκλον – жнвотъиннн кроґгъ Шест 16b22–23
и под.

О прямом калькировании в таких случаях свидетельствует не только значение наименований, номинирующих неизвестные славянам до переводов с греческого предметы (в широком смысле), но и сохранение в большинстве случаев порядка слов:

ἡ ζωὴ αἰώνιος – жнвотъ вѣчъинн (εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жнвотъ вѣчъинн Мф 25:46 Зоґр, Мар, Сав),
ἡ ζωὴ αἰώνιος – жнзнь вѣчъинаѣ (εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жнзнь вѣчъиннн Мф 25:46 Ас; ἡ ζωὴ αἰώνιος – жнзнь вѣчъинаѣ Изб 1073 6с21; εἰς ζωὴν αἰώνιον – вѣ жнзнь вѣчъиноую Бог 271аb и др.),
но ἡ αἰώνιος ζωὴ – вѣчъинн жнвотъ Изб 1073 6с9–10;
τὸ φῶς τὸ ἀρχέγονον – свѣтъ пѣвородъинн Изб 1073 12b29–12с1,
но τὸ πρωτόγονον φῶς – пѣждерожденъинн свѣтъ (τοῦ πρωτογόνου φωτός – пѣждерождѣнааго свѣта Изб 1073 12d14–15).

Однако греческая конструкция с Gen при этом часто заменяется «славянизированной» конструкцией с прилагательным: и ἡ τοῦ θανάτου φθорά – сзмерътънаѣ тьяѣ, и φθорά θανάτου – тьяѣ сзмерътънаѣ:

τῆ τοῦ θανάτου φθорᾶ – вѣ сзмерътноую тьяю Бог 233b10–234а1,
ἐκ φθорᾶς θανάτου – ѿ тьяѣ сзмерътъннѣ Бог 236b9,
φθорᾶ θανάτου – тьяю сзмерътною Бог 241b2.

Старославянские фразеологические кальки создавались книжниками, как и многие другие старославянские номинации, буквально в процессе переводов. Большое количество таких калек (подсчет их принципиально невозможен ввиду малой изученности древнеславянского рукописного фонда) оставалось окказионализмами, однако часть фразеологических калек могла «укореняться» в лексиконе и становиться фразеологизмами. При всем обилии дефиниций фразеологизмов, данных в течение долгого времени их изучения фразеологами, основным и определяющим свойством фразеологизмов мы считаем возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка. В этом смысле понятие «фразеологизмы» в нашем понимании близко к понятию «prefabricated strings» в теории формульного языка (formulaic language)⁵. Таким образом, фразеологизмы следует рассматривать с позиции диахронии. Они являются

⁴ Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям [26; 27; 21; 17; 23; 10].

⁵ Ср. определение prefabricated strings, данное одним из ведущих представителей этого направления Элисон Рэй: «Our working definition of the formulaic sequence will be as follows: a sequence, continuous or discontinuous, of words or other elements, which is, or appears to be, prefabricated: that is, stored and retrieved whole from memory at the time of use, rather than being subject to generation or analysis by the language grammar» (курсив Э. Рэй) [29. Р. 9].

результатами процессов, которые могли происходить в языке как в течение веков, так и в недавнее время, но результатами, с синхронной точки зрения уже встроенными в лексическую систему, готовую к использованию носителем языка (в нашем случае главным образом книжником)⁶. В этом принципиальное отличие понятия «фразеологическая калька» от понятия «фразеологизм».

Фразеологизация фразеологических калек, особенно среди несколькословных наименований терминологического характера, происходила не только с течением времени в церковнославянских изводах, но уже и в эпоху становления собственно старославянского языка, т.е. во второй половине IX в. – X в.⁷ Отражение этого процесса наблюдается как в рукописях «старославянского канона», так и – особенно широко в силу более разнообразного содержания – в рукописях, восходящих к старославянским протографам. В начальную эпоху существования старославянского языка было возможно варьирование фразеологических калек. Употребление же фразеологической кальки «без поддержки» греческой конструкции свидетельствует о фразеологизации такой номинации. Так, например, устоявшийся в веках фразеологизм *рѡвѣзъ божнн* [19. С. 304–305]⁸ в значении ‘раб Божии, христианин’ в рукописях «старославянского канона» появляется в качестве фразеологической кальки с сохранением порядка слов греческой конструкции: *ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ* – *рѡвѣзъ божнн*; *τοῦ θεοῦ δοῦλος* – *вожнн рѡвѣзъ*:

μὴ ἐγκρῦβῆς εἰς τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ τόνδε – не оутан съѡ вѣзъ рѡвѣзъ бѣжнн семь. Евх 54b 22;

«...οὐδὲ γὰρ συναρπάσεις με τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ.» – не нмашн бо мене прѣль-стннн. *рѡвѣзъ бѣжнн*. Супр 102,11 (№ 7);

ὁ ἀνθύπατος ἔφη πρὸς τοῦ θεοῦ δοῦλους – рече анѡпатъ къ бѣжннемъ рѡвомъ. Супр 99,7 (№ 7);

ἀκούσας ὁ τοῦ θεοῦ δοῦλος – слъшавъ *вожнн рѡвѣзъ*. Супр 526,11 (№ 46).

Однако употребление этой номинации в надгробной надписи царя Самуила 993 г. свидетельствует уже о ее фразеологизации:

azz samonъ рѡвѣзъ бѣжнн [28. Т. I. С. 133].

Примеры варьирования фразеологических калек и начала их фразеологизации можно наблюдать в списках произведений Иоанна Экзарха Болгарского.

⁶ Считаем необходимым уточнить таким образом наше понимание понятия «фразеологизм». В отечественном языкознании уже в 60-е годы прошлого века С.Г. Гаврин рассматривал причины фразеологизации словосочетаний и называл шесть признаков общеупотребительных сочетаний слов, «которые побуждают носителя языка к фиксирующему усвоению этих сочетаний и к хранению их в памяти»: 1) образно-выразительная ценность, 2) эллиптичность, 3) терминологичность, 4) афористичность, 5) наличие в сочетании фразеологически ограниченного слова, 6) идиоматичность (в узком понимании) [5. С. 269]. Помимо классификации фразеологизмов, разработанной в работах В.В. Виноградова 1946–1947 гг. [4. С. 118–161] и на которую опирается большинство лингвистов, существуют и другие концепции. Существенно иная классификация фразеологических единиц дается, например, Кети Ничевой [16]. В концепции К. Ничевой и ее единомышленников фразеологические сочетания (*restricted collocations* в англоязычной литературе) соответствуют примерно «устойчивым словесным комплексам» или «устойчивым словосочетаниям» и не включаются в число фразеологизмов [16. С. 18–19; 219].

⁷ В вопросе периодизации древнеславянского языка придерживаемся концепции акад. Н.И. Толстого [18. С. 34–52].

⁸ Хотя «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С.Г. Шулежковой имеет несомненную культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, вряд ли стоило называть его фразеологическим словарем именно старославянского языка. Устойчивость присутствующего в старославянских текстах словосочетания в его последующей жизни в веках не может служить критерием в исследованиях самого старославянского языка.

Ср. в Богословии: ξύλον ζωῆς — и дрѣво жнзнн, и дрѣво жнзнньноє, и τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнвотньноє:

τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнзнн Бог 167a3–4; дрѣво жнзнньноє Бог 169b8;
τὸ τῆς ζωῆς ξύλον — дрѣво жнвотное (в Бог утрачено).

Также в Богословии (Бог 253b6) видим употребление дрѣво жнвотньноє для перевода τὸ τίμιον ξύλον (где жнвотньноє не соответствует по значению греч. τίμιον), что свидетельствует об использовании Иоанном Экзархом номинации дрѣво жнвотньноє как извлеченной целиком из памяти, т.е. уже как фразеологизма (фразеологического сочетания).

Ср. также в Богословии и Шестодневе Иоанна Экзарха: (τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — и дрѣво вѣдѣнню, и дрѣво вѣдѣноє:

(τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — дрѣво вѣдѣнню Бог 165a1; дрѣво вѣдѣнню Бог 165a1–2;
τοῦ ξύλου τῆς γνώσεως — дрѣва вѣдѣнаго Бог 169b8;
(τὸ) ξύλον τῆς γνώσεως — дрѣво вѣдѣноє Шест 261d9–10, дрѣво вѣдѣноє Шест-Бар 269b5–6.

Вместе с тем в Шестодневе вариант дрѣво вѣдѣноє используется даже для перевода конструкции с инфинитивом τὸ ξύλον τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν, т.е. уже в качестве фразеологизма (фразеологического сочетания):

дрѣво вѣдѣноє Шест 261c18–19 = дрѣво вѣдѣноє Шест-Бар 269b15–16 (в Богословии для перевода этой конструкции используется точная фразеологическая калька: τὸ ξύλον τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρόν — дрѣво вѣдѣтн доврo н зло Бог 165a4–5).

Как можно судить по изданию Г.С. Баранковой, фразеологизм дрѣво вѣдѣноє закрепляется в лексиконе и употребляется в большинстве русских списков (20. С. 595].

В качестве примера проследим также становление фразеологизма свѣтоє писанье. Уже в X в. славянскими книжниками калькируется наименование ἡ θεία γραφή (реже αἱ ἄγιαί Граφαί), но даже в пределах произведений Иоанна Экзарха варьирование фразеологического калькирования достигает четырех вариантов: вожьствьноє писанье (писанье), вожьствьнаѧ писанья (т.е. ж.р. в подражание греческому), а также свѣтоє писанье (писанье) и свѣтаѧ писанья (т.е. ж.р. в подражание греческому). При этом неоднократно встречается перевод ἡ θεία γραφή как свѣтоє писанье, т.е. используется уже не фразеологическое калькирование, а фразеологизм, извлекаемый целиком из памяти книжника.

Богословие:

ἡ θεία γραφή — вожьствьноє писанье:

Бог 65b2–3; Бог 126b3–4; Бог 130b5–6; Бог 148a8; Бог 151b6; Бог 65b2–3;
Бог 126b3–4; Бог 130b5–6; Бог 148a8; Бог 151b6; Бог 293a8; Бог321a2;
331a6–7; Бог346a8–9; Бог 313b5; Бог 315b9;

ἡ θεία γραφή — вожьствьнаѧ писанья Бог 112b5 (ж.р.);

τὰς ἀγίας Граφάς — сѣтаѧ писанья Бог 23a3–4,

ἐκ τῶν ἀγίων γραφῶν — ѡ сѣтзинхз писаннн Бог 307a6;

ἡ θεία Граφή — сѣтоє писанье Бог 129a4;

τῆ θεία... Граφῆ — сѣтзинхз писаннн Бог 36a8;

τῆ θεία Граφῆ — сѣтго писанья Бог37a8–37b1;

ὑπὸ τῆς θείας Граφῆς — ѡ сѣтааго писанья Бог 46b2;

ἡ θεία Граφή — сѣтаѧ писанья Бог 21b6 (ж.р.).

Шестоднев:

αἱ ἄγια Γραφαί – сѣтоє писаннѣ Шест 249b20;

τῶν θεῶν Γραφῶν – сѣтоє писаннѣ Шест 249b29;

без греческого:

сѣтааго писаннѣ Шест 35c21 – сѣтго писаннѣ Шест-Бар 38aб;

свѣтѣмъ писаннѣ Шест 55b24–25 – сѣтмъ писаннѣ Шест-Бар 57a23;

писаннѣ сѣтоє Шест 111a14 (сѣтоє писаннѣ – 55,58, VB);

сѣтошмоу писаннѣ Шест 142a14;

божественное писаннѣ Шест 22a5–7 – бѣжѣтвное писаннѣ Шест-Бар 22a24;

бѣжѣтвѣннааго писаннѣ Шест 141d11;

бѣжѣтвѣннѣмъ писаннѣмъ Шест 207c23–24 – бѣжѣтвѣннѣмъ писаннѣмъ Шест-Бар 210a4.

В Изборнике 1073 г. фразеологическое калькирование ἡ θεία γραφή варьируется: и божественное писаннѣ, и божское писаннѣ, а также калькируется в соответствии с греческим оригиналом во мн. ч. αἱ θείαи γραφαί и как божская писаннѣ, и в ед. ч. как божественное писаннѣ:

τῆς θείας γραφῆς – бѣжѣтвѣноушмоу писаннѣ Изб 38d5–6;

ἡ θεία γραφή – божественное писаннѣ Изб 1073 55a1–2;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣтвѣное писаннѣ Изб 1073 107a8–9;

ἡ θεία... γραφή – божественное... писаннѣ Изб 130c3–4;

ἡ θεία... γραφή – божественное... писаннѣ Изб 217a29–217b1;

ἐν τῇ θεία γραφῇ – въ божественнѣмъ писаннѣ Изб 223c7–8;

ἐν τῇ θεία γραφῇ – въ божественнѣмъ писаннѣ Изб 240d23–24;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣтвѣное... писаннѣ Изб 250b7–8;

ἐν ταῖς θείαиς γραφαῖς – въ бѣжѣтвѣннѣмъ писаннѣ Изб 91d3;

ἐν ταῖς θείαиς γραφαῖς – въ бѣжѣтвѣннѣмъ писаннѣ Изб 106b18–19;

παρὰ τῇ θεία γραφῇ – отъ божскааго писаннѣ Изб 8b10–11;

ἡ θεία γραφή – божское писаннѣ Изб 69c5–6;

ἡ θεία γραφή – божское писаннѣ Изб 69d10–11;

ἡ θεία γραφή – бѣжѣское писаннѣ Изб 148a27–28;

ταῖς θείαиς γραφαῖς – бѣжѣскоушмоу писаннѣ Изб 4d22–23;

αἱ... θείαи γραφαί – божская писаннѣ Изб 10a1–2;

αἱ θείαи γραφαί – бѣжѣская писаннѣ Изб 143c3–4;

τῶν θείων γραφῶν – божскынхъ писаннѣ Изб 199a5–6;

τῶν θείων γραφῶν – божскынхъ писаннѣ Изб 199a14–15;

τῶν θείων γραφῶν – божскынхъ писаннѣ Изб 199b20–21.

В Супрасльской рукописи видим перевод ἡ θεία γραφή как сватое писаннѣ, т.е. уже устоявшимся фразеологическим сочетанием:

ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς – отъ сватааго писаннѣ Супр 304,28–29.

Таким образом, мы видим, что не всегда славянский книжник для перевода греческого несколькословного наименования прибегал к фразеологическому калькированию, не всегда калькировал его заново, а использовал уже созданное ранее путем фразеологического калькирования где-то встреченное им наименование. Согласно нашим наблюдениям над старославянскими и восходящими к старославянским текстами, неоднократное употребление книжниками несколькословных наименований в разных произведениях приводит к фразеологизации этих словосочетаний.

Внимание фразеологов всегда было прежде всего обращено (и обращено до сих пор) на экспрессивные, образно-выразительные фразеологизмы – как

фразеологизмы-предложения, так и фразеологизмы-словосочетания. Это легко объяснимо: исследователей в первую очередь привлекает изучение выразительных возможностей языка и, в частности, использование этих возможностей в художественной литературе⁹. Приведенные же нами в качестве примеров фразеологизмы не являются экспрессивными выражениями, а представляют собой вполне нейтральные по стилю номинации терминологического характера. Среди старославянских фразеологизмов, образованных путем фразеологического калькирования, есть фразеологизмы разной степени семантической спаянности (такие, например, как οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι – нншнн доухомь (Мт 5:3), уже в греческом являлись идиомами), но все же большинство их, как и указанные нами выше фразеологизмы, следует, видимо, в соответствии с классификацией, разработанной в работах В.В. Виноградова 1946–1947 гг., отнести к фразеологическим сочетаниям. Среди старославянских несколькословных наименований-фразеологических калек встречаются наименования не только терминологического характера, связанные с принятием христианства и сопутствующим этому событию переводом «естественнонаучной» литературы (хотя такие чаще бросаются в глаза), но и несколькословные наименования, относящиеся к слою быденной лексики. В качестве примера приведем несколькословное наименование-фразеологическую кальку боурѣ вѣтрѣна(ѣ) с греч. λαῖλαψ ἀνέμου, появляющуюся в переводе Евангелия (Мк 4: 37 и Л 8:23):

Мк 4: 37: Καὶ γίνεται λαῖλαψ ἀνέμου μεγάλη· – и бзистъ боурѣ вѣтрѣна велнѣ. Зопр, Мар;

Л 8:23: καὶ κατέβη λαῖλαψ ἀνέμου εἰς τὴν λίμνην – и сзннде боурѣ вѣтрѣна в зезеръ. Зопр, Мар, Ас.

Пример из Мк 4:37 анализировался в статье Н. Николова 2003 г. – первой (и, видимо, до недавних пор единственной) работе, посвященной устойчивым словосочетаниям в старославянском («древнеболгарском» в болгарской терминологии) языке. Н. Николов посчитал это словосочетание свободным, не относящимся к устойчивым (т.е., согласно общепринятой классификации, восходящей к работам В.В. Виноградова 1946–1947 гг., не относящимся к фразеологическим сочетаниям¹⁰), так как, по его мнению, оба слова в нем употреблены в прямом, а не в переносном значении, сочетание не терминологично, а контекст лишен образности («и двете лексеми са употребени в прякото си значение, което не е преносно, съчетанието не е терминологизирано, контекстът не експлицира образност») [15. С. 237]. С таким анализом нельзя согласиться, так как несколькословное наименование боурѣ вѣтрѣна(ѣ) (как и греч. λαῖλαψ ἀνέμου) номинирует один единственный лингвистический концепт ‘вихрь, смерч’¹¹. В несколько

⁹ Впрочем, в последнее время фразеологи стали больше обращать внимания и на фразеологизмы, лишённые экспрессивности. Ср., например, определения фразеологической единицы, данные ведущими отечественными фразеологами А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в фундаментальных монографиях 2008 и 2011 г.: «Мы определяем ФЕ как относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное словосочетание с относительно целостным значением. Тем самым подчеркивается, что такая языковая единица является полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» (разрядка наша. – В.Е.) [12. С. 23]; «мы определяем ФЕ как отдельно оформленную единицу языка, являющуюся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным и преимущественно экспрессивным сложным знаком» (разрядка наша. – В.Е.) [13. С. 14].

¹⁰ Н. Николов опирался на концепцию К. Ничевой и ее единомышленников (см. Примечание 6), поэтому термин «устойчивое словосочетание» или «устойчивый словесный комплекс» у него соответствует примерно термину «фразеологическое сочетание». Вопрос о фразеологическом калькировании, однако, в статье не рассматривался совсем.

¹¹ Ср. значение для λαῖλαψ ἀνέμου в словаре Лидделла-Скотта: ‘a whirlwind sweeping upwards’ [14. P. 1024].

более поздних, чем перевод Евангелия, переводах, *боурѣ вѣтрѣна*(ѣ) начинает уже употребляться, видимо, в качестве фразеологического сочетания:

боурѣ вѣтрѣнѣ оутолнаѣ словоѣ. Супр 473,18–19 (№ 41) (греческого нет или неизвестен);

прѣпакоуезшн бо въ мало время члѣкоу. ѣко боурѣ вѣтрѣна. Изб 1076 33об.6–7 (греческого нет или неизвестен).

В заключение скажем, что в данной статье мы коснулись лишь одного аспекта изучения старославянских фразеологических калек – возможностей и условий фразеологизации именных фразеологических калек (главным образом, терминологического характера). Между тем в процессе первых славянских переводов второй половины IX–X вв. образуется довольно большое количество несколькихсловных наименований, в том числе и фразеологических калек. Часть этих наименований могла потом «укорениться» в старославянском лексиконе и становиться фразеологизмами, но внимания лексикологов и лексикографов заслуживают, конечно, все несколькихсловные наименования, в том числе и все фразеологические кальки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Бог – Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.
 Зоґр – Зоґрафское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Изб1073 – Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
 Изб 1076 – Изборник 1076 г., древнерусская рукопись 1076 г.
 Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
 Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
 Шест-Бар – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 314 с.
2. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Праславянская фразеология: Миф или реальность? [Proto-Slavic Phraseology: Myth or Realty?] // *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*. 70. 2019. № 1. P. 5–32.
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.
4. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
5. *Гаврин С.Г.* Проблема систематизации устойчивых сочетаний современного русского языка в функциональном аспекте // *Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской*. 1966. Т. 180. Вып. 11 (Русский язык). С. 260–274.
6. *Ефимова В.С.* О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика*. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80.
7. *Ефимова В.С.* Некоторые соображения о старославянских номинациях субстантивированными причастиями [Some Thoughts on Old Church Slavonic Nominations through Substantivized Participles] // *Palaeobulgarica*. 45. 2021. № 2. С. 49–64.
8. *Ефимова В.С.* Несколько вопросов к фразеологическому калькированию в старославянском языке [Several Questions to Phraseological Calquing in the Old Church Slavonic Language] // *Palaeobulgarica*. 46. 2022. № 4. Special edition. С. 705–721.
9. *Ефимова В.С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48.

10. Заимов Й, Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София: Издателство БАН, 1982–1983. Т. 1–2. 564+603 с.
11. Кубрякова Е.С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. S. 24–31.
12. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ, 2008. 482 с.
13. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ, 2011. 455 с.
14. Мокиенко В.М. О фразеологическом уровне языковой системы [About the Phraseological Level of the Language System] // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета*. Серия Гуманитарные науки. Бишкек, 2017. Т. 17. № 9. С. 146–151.
15. Николов Н. Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език // *Преславска книжовна школа*. Шумен, 2003. Т. 7. С. 232–254.
16. Ничева К. Българска фразеология. София: Наука и изкуство, 1987. 246 с.
17. Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Издателство БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.
18. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.
19. Фразеологический словарь старославянского языка / Отв. ред. С.Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 419 с.
20. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. Г.С. Баранкова. М.: «Индрик», 1998. 760+8 с.
21. Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes / *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz: Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Т. I–VI.
22. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Vol. 1. 331 p.
23. Frček J. *Euchologium Sinaiticum* / *Patrologia orientalis*. Paris, 1933, 1939. Т. XXIV–XXV.
24. Liddell H. G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2362 p.
25. Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau, 1985. 347 p.
26. Robinson M.A., Pierpont W.G. *The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass.: Chilton Book Publishing, 2005. 587 p.
27. Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / *Monumenta linguae slavicae*. T.V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967; Т. XIV. Freiburg i. Br. U.W. Weiher, 1981; Т. XVI. Freiburg i. Br. U.W. Weiher, 1983.
28. *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Nakladatelství ČAV, 1958–1997. Т. I–IV.
29. Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. XI+332 p.

REFERENCES

- Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes. *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz, Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971, Т. I–VI.
- Arkhangel'skii V.L. *Ustoichivyye frazy v sovremennom russkom iazyke: Osnovy teorii ustoichivyykh fraz i problemy obshchei frazeologii*. Rostov n/D, Izd-vo Rost. un-ta Publ., 1964, 314 p. (In Russ.)
- Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, vol. 1, 331 p.
- Gavrin S.G. Problema sistematizatsii ustoichivyykh sochetanii sovremennogo russkogo iazyka v funktsional'nom aspekte. *Uchenyye zapiski MOPI im. N.K. Krupskoi*. 1966, t. 180, iss. 11 (Russkii iazyk), pp. 260–274. (In Russ.)
- Efimova V.S. O granitse mezhdru staroslavianskimi leksicheskimi jedinitami i slovosochetaniiami. *Slavianskoje i balkanskoje iazykoznanije: Paleoslavistika*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia Publ., 2017, pp. 60–80. (In Russ.)
- Efimova V.S. Nekotoryje soobrazheniia o staroslavianskikh nominatsiiakh substantivirovannymi prichastiiami [Some Thoughts on Old Church Slavonic Nominations through Substantivized Participles]. *Palaeobulgarica*. 45, 2021, no. 2, pp. 49–64. (In Russ.)

- Efimova V.S. Neskol'ko voprosov k frazeologicheskomu kal'kirovaniu v staroslavianskom iazyke [Several Questions to Phraseological Calquing in the Old Church Slavonic Language]. *Palaebulgarica*. 46, 2022, no. 4, special edition, pp. 705–721. (In Russ.)
- Efimova V.S., Zheliazkova V. Neskol'koslovnnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh. *Palaebulgarica*, 38, 2014, no. 3, pp. 33–48. (In Russ.)
- Frazeologicheskii slovar' staroslavianskogo iazyka, otv. red. S.G. Shulezhkova. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011, 419 p. (In Russ.)
- Frček J. *Euchologium Sinaiticum. Patrologia orientalis*. Paris, 1933, 1939, t. XXIV–XXV.
- Kubriakova Je.S. O raznostrukturykh jedinitсах nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh jedinitс. *Stowotwórstwo a inne sposoby nominacjii*. Katowice, Wydawnictwo Gnome Publ., 2000, pp. 24–31. (In Russ.)
- Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 2362 p.
- Melerovich A.M., Mokijenko V.M. *Semanticheskaia struktura frazeologicheskikh jedinitс sovremennogo russkogo iazyka*. Kostroma, KGU Publ., 2008, 482 p. (In Russ.)
- Melerovich A.M., Mokijenko V.M. *Sovremennaia russkaia frazeologija (semantika – struktura – tekst)*. Kostroma, KGU Publ., 2011, 455 p. (In Russ.)
- Mokijenko V.M. O frazeologicheskom urovne iazykovoii sistemy [About the Phraseological Level of the Language System]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki*. Bishkek, 2017, t. 17, no. 9, pp. 146–151. (In Russ.)
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, Böhlau Publ., 1985, 347 p.
- Nikolov N. Imennite (frazeologichni) i sastavnite ustoichivi slovosachetaniia v starobalgarskiiia jeziki. *Preslavska knizhovna shkola. Shumen*, 2003, t. 7, pp. 232–254. (In Bulg.)
- Nicheva K. *Balgarska frazeologija*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1987, 246 p. (In Bulg.)
- Robinson M.A., Pierpont W.G. *The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., Chilton Book Publishing, 2005, 587 p.
- Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. *Monumenta linguae slavicae*, t. V, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1967; t. XIV. Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1981; T. XVI. Freiburg i. Br., U.W. Weiher, 1983.
- Shestodnev Ioanna Ekzarkha Bolgarskogo. Ranniaia russkaia redaktsiia*, izd. podg. G.S. Barankova. Moscow, Indrik Publ., 1998, 60+8 p. (In Russ.)
- Simeonov sbornik (po Svetoslavoviiia prepis ot 1073). Sofia, Izdatelstvo BAN «Prof. Marin Drinov» Publ., 2015, t. 3: Gratski izvori. 1243 p. (In Bulg.)
- Slovník jazyka staroslověnského. Praha, Nakladatelství ČAV Publ., 1958–1997, t. I–IV. (In Czech)
- Tolstoy N.I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 237 p. (In Russ.)
- Val'ter Kh., Mokijenko V.M. Praslavianskaia frazeologija: Mif ili real'nost'? [Proto-Slavic Phraseology: Myth or Reality?]. *Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics)*, 70, 2019, no. 1, pp. 5–32. (In Russ.)
- Vereshchagin Je.M., Kostomarov V.G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskije kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povednesheskikh taktik i sapijentemy*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 509 p.
- Vinogradov V.V. *Izbrannyje trudy: Leksikologija i leksikografiia*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 312 p. (In Russ.)
- Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, XI+332 p.
- Zaimov I, Kapaldo M. *Suprasalski ili Retkov sbornik*. Sofia, Izdatelstvo BAN Publ., 1982–1983, t. 1–2. 564+603 p. (In Bulg.)

Информация об авторе:

Ефимова Валерия Сергеевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом Института
славяноведения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>
e-mail: valeriefimova@yandex.ru

Information about the author:

Efimova Valeriya S.
DSc. (Philology), Leading Researcher,
Head of the Department,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>
e-mail: valeriefimova@yandex.ru